

Трансформация правоотношений в условиях цифровизации¹

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие в процессе появления новых элементов в структуре правоотношений в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий: объектов (Интернет, искусственный интеллект и др.), субъектов (виртуальная личность, провайдер, виртуальный банк и др.), а также содержания. В результате анализа нормативных правовых актов, действующих в информационной сфере, сформулирован ряд выводов, связанных с субъектно-объектным составом правоотношений, появившихся в процессе цифровизации, а также с развитием информационного права и законодательства, которое происходит благодаря этим процессам. Делается заключение о том, что закрепление содержания правоотношений (субъективных прав и юридических обязанностей) в законодательстве РФ имеет характерные особенности. Дается определение процесса цифровизации и делается вывод о необходимости наполнения содержания правоотношений в условиях развития информационно-коммуникационных технологий функционалом, обеспечивающим упорядочивание процессов цифровизации всех сфер общественной жизни.

Ключевые слова: право; цифровые технологии; трансформация; структурные элементы; правовые отношения; объект; субъект; содержание; цифровизация; структура правоотношений; информационные технологии.

Для цитирования: Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 2. — С. 11—18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.011-018.

Transformation of Legal Relations in the Context of Digitalization²

Oleg V. Tanimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tanimov@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the problems arising while new elements in the structure of legal relations in the context of development of information and telecommunication technologies are emerging: objects (the Internet, artificial intelligence, etc.), subjects or participants (virtual identity, a provider, a virtual bank, etc.), as well as

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

© Танимов О. В., 2020

* Танимов Олег Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tanimov@mail.ru

the content. As a result of the analysis of normative legal acts operating in the information field, the author has determined a number of conclusions related to the subject-object composition of legal relations that have emerged in the process of digitalization, as well as the development of information law and legislation originating from processes under consideration. The author has drawn a conclusion that entrenchment of the content of legal relations (subjective rights and legal obligations) in the legislation of the Russian Federation has its own characteristic features. The paper contains the definition of the process of digitalization and the conclusion about the need to substantiate the content of legal relations in the conditions of development of information and communication technologies with the functionality that provides orderly arrangement of processes of digitalization of all fields of public life.

Keywords: law; digital technologies; transformation; structural elements; legal relations; object; subject; content; digitalization; structure of legal relations; information technologies.

Cite as: Tanimov OV. Transformatsiya pravootnosheniy v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of legal relations in the conditions of digitalization]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(2):11—18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.011-018. (In Russ., abstract in Eng.).

Всю сложную систему общественных взаимосвязей можно постигнуть лишь при помощи диалектики. При таком понимании причинности прямых и обратных связей, когда обусловленное само выступает и определяющим, прямая связь порождает и обратную³.

Место права в системе общественных отношений нельзя рассматривать лишь статически. Для уяснения их сущности возникает необходимость дополнения статического процесса определенной динамикой, проявляющейся в непосредственной связи права и различного рода общественных отношений. Последние, урегулированные правом, приобретают статус правовых (правоотношений).

Правовые отношения — возникающие на основе норм права волевые общественные отношения, участники которых имеют субъективные права и юридические обязанности.

В качестве признаков правовых отношений можно выделить то, что они выступают разновидностью общественных отношений, носят волевой характер, возникают на основе норм права, характеризуются наличием у сторон субъективных прав и юридических обязанностей и обеспечиваются возможностью государственного принуждения.

В теории права существуют различные критерии классификации правоотношений: по пред-

мету регулирования, характеру содержания, функциональной роли, природе юридической обязанности, составу участников, продолжительности действий, степени определенности сторон и пр.

Структура правоотношения включает в себя объект (материальные и нематериальные блага), субъект (физические лица, юридические лица и государство) и содержание (субъективные права и юридические обязанности).

Именно об изменениях структурных элементов правоотношений, которые вносит в жизнь развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обусловленное процессами цифровизации, и пойдет речь в данной статье.

В настоящий момент не существует единого понятия цифровизации. В контексте права цифровизацию можно рассмотреть как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы. Она, можно сказать, стирает грани между отраслями права, ведь информация и технологии присутствуют уже в каждой отрасли. Они постепенно становятся общим знаменателем и способны определять единую логику права.

Термин «цифровизация» в последнее время стал часто появляться не только в материалах специализированных исследований, но и в официальных документах государственных органов⁴. Он имеет различные значения. В техническом

³ Сабо И. Основы теории права. М. : Прогресс, 1974. С. 75.

⁴ Например: Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. от 29 сентября 2018 г. § 2 : Цифровизация и научно-технологическое развитие // Текст официально опубликован не

смысле *цифровизация (digitization)* — преобразование информации в цифровую форму. На технологическом языке это звучит так: цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы⁵. Не будем вникать в тонкости данного процесса, т.к. его сущность не является целью нашего исследования. В контексте данной статьи предлагаем под цифровизацией понимать *процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности (отрасли народного хозяйства) посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений*.

Согласно ГОСТ Р 33.505-2003, под цифровыми технологиями понимаются технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой⁶. Понятие «технологическое решение» в словарях практически не встречается, при этом толкуется по-разному.

Появление и развитие ИКТ стало предпосылкой цифровизации всех сфер жизни общества⁷, в том числе и права. Этот процесс способствует возникновению целого ряда новых структурных элементов системы права и законодательства. Вместе с этим изменяются и структурные элементы правоотношений, появляются и новые их виды.

Говоря о новых элементах, нужно сказать о том, что в сферу права вовлекаются новые об-

щественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или не могли быть урегулированы правом. К этим отношениям можно отнести отношения, субъектами которых являются виртуальные «личности», отношения, связанные с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве, а также отношения, возникающие в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве (например, право на доступ в Интернет), и наконец, отношения, ориентированные на применение робототехники⁸.

Под воздействием информационных технологий система права трансформируется, подстраиваясь под изменяющиеся общественные отношения. Появляются новые отрасли (информационное право), подотрасли (киберправо, право цифровой администрации, интернет-право, компьютерное право и др.), институты (электронная подпись, телеработа, электронное правосудие, цифровая медицина, электронный договор (трудовой) и др.), а также нормы (например, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁹ и др.).

Но при этом возникает ряд проблем различного характера (методологических и др.)¹⁰. Само же право, чтобы оставаться эффективным регулятором, пытается модифицироваться, вводя в структуру правоотношений новые виды объектов (сеть Интернет, криптовалюта и пр.) и субъектов (электронное правительство, робо-

был ; Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Текст официально опубликован не был.

⁵ Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике // URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D1%82%D0%BE8F-digitization> (дата обращения: 01.06.2019).

⁶ URL: https://official.academic.ru/29427/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 09.07.2019).

⁷ Например, набирает обороты национальная программа «Цифровая экономика» (см.: Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16) // Текст официально опубликован не был).

⁸ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 10—11.

⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁰ См.: Наумов В. Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32—39.

ты, искусственный интеллект, операторы данных и др.). При этом, несомненно, изменяется и содержание правоотношений, формируются новые их виды, такие как, например, цифровая платформа¹¹.

Сфера правового регулирования становится мультисодержательной, то есть в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура¹². В структуре же самих правоотношений появляются новые элементы, взаимодействие которых требует тщательного осмысления и новых подходов и моделей правового регулирования.

Рассмотрим на конкретных примерах структуры правоотношений некоторые проблемы, существующие сегодня.

Начнем с **объектов правоотношений**. Ярким примером этого является *сеть Интернет* (виртуальное пространство, киберпространство и т.д.), создающая виртуальную информационную среду, в которой возникают, изменяются и прекращаются различные общественные отношения (гражданско-правовые, моральные, этические и т.д.)¹³. Для современного человека Интернет стал не просто технологией, он постепенно превратился в систему убеждений, мировоззренческую систему, философию действительности децентрализованного новаторства, и эта философия стала менять взгляды человечества на само творчество¹⁴.

В результате этого Интернет стал особой виртуальной средой, в которой сложился концепт реального убеждения в том, что данная среда функционирует на основе того, что основные создатели ее (всего комплекса информационных технологий) условились следовать общим

шаблонам (стандартам и протоколам). То есть Интернет функционирует, если все пользователи как один придерживаются данных шаблонов. В данном случае нет необходимости в создании какого-либо главного центра управления этой виртуальной средой, т.к. его функции выполняет сама система, состоящая из многомиллионного объединения компьютеров и коммуникационных связанных элементов (узлов), согласившихся реализовывать свои потребности по общим стандартам. В данной ситуации такими стандартами являются базовые интернет-протоколы, которые созданы неопределенным кругом интернет-разработчиков, официально не запатентованы и, соответственно, не могут никому принадлежать.

Поэтому начинающему пользователю не составит особого труда подключиться к сети Интернет. Для этого нужно всего лишь подключить определенный сервер и использовать те или иные базовые протоколы.

Таким образом, социально-техническая сущность Интернета как виртуального пространства заключается в алгоритме совокупности действий, позволяющих любому индивиду стать его пользователем и в самые короткие сроки (в зависимости от необходимости) приступить к практически любой деятельности в Сети. При этом совершенно отсутствует потребность в обязательном разрешении для осуществления той или иной деятельности в Интернете.

Приведенная модель существенным образом отличается от централизованной, командно-административной по стилю сети, право на доступ и участие в которой утверждается центральным органом. В открытой, децентрализо-

¹¹ Цифровая платформа — это система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда (URL: https://files.data-economy.ru/digital_platforms_project.pdf).

¹² Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 11.

¹³ Танимов О. В., Кудашкин Я. В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. 2012. № 2. С. 18.

¹⁴ Ito J. In an Open-Source Society, Innovating by the Seat of Our Pants // NY Times. Dec. 5. 2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/12/06/science/joichi-ito-innovating-by-the-seat-of-our-pants.html> (дата обращения: 12.08.2019).

ванной системе нет центрального органа власти, устанавливающего правила, предоставляющего доступ и обеспечивающего соблюдения порядка. Вместо этого в ней существует множество систем, разных по размеру и составу, каждую из которых регулируют независимо друг от друга, но все они работают вместе¹⁵.

В данном случае возникает проблема выбора модели регулирования отношений в сети Интернет. В условиях нарастания угрозы терроризма (кибертерроризма) и появления новых видов преступлений (манипуляции с электронными подписями, банковскими картами и пр.) намечается тенденция в сторону командно-административного (государственно-правового) стиля. Здесь одной из важнейших задач, стоящих перед государством, является сохранение баланса между вводимыми ограничениями и закрепленными в Конституции РФ правами и свободами человека и гражданина, на которые со стороны государства возможны посягательства в различных формах и под разными предложениями.

Следующим объектом, довольно противоречивым и не совсем определенным по правовому статусу, является *искусственный интеллект*, представляющий собой, с одной стороны, существующие технологии (биржевые роботы, голосовые помощники на смартфонах, различные решения и пр.), вопросы о регулировании которых сегодня активно обсуждаются, а с другой — роботы последнего поколения, демонстрирующие универсальную способность высокой степени когнитивного познания и рационального мышления, смоделированную чаще всего на основе человекоподобного носителя «разума», способного рассуждать практически самостоятельно. Относительно последних ситуация намного сложнее, т.к. здесь речь идет об их правосубъектности. Например, совсем недавно (в 2018 г.) один из роботов стал подданным Саудовской Аравии.

Если принять во внимание классическое понимание интеллекта (от лат. *intellectus* — по-

знание, понимание, рассудок) как способность мышления, рационального познания, в отличие от таких, например, душевных способностей, как чувство, воля, интуиция, воображение и т.п.¹⁶, то можно с уверенностью утверждать, что сущность искусственного интеллекта, закрепленная в нормах права, представляет собой юридическую фикцию, порождающую еще одну фикцию — правосубъектность.

В связи с этим уже сейчас не совсем понятно, к какому элементу структуры правоотношений (будем надеяться, что все-таки к объекту) нужно относить искусственный интеллект.

Субъекты правоотношений. Динамизм системы права начинает превалировать над ее стабильностью. В связи с этим многие сферы жизни претерпевают существенные изменения. Право становится не только средством, обеспечивающим адаптацию социального бытия к новым условиям, но и объектом воздействия цифровизации, в результате которого в нем появляются новые формы и элементы. Рассмотрим примеры субъектов правоотношений, проявившихся в процессе цифровизации.

Одним из таких примеров является *виртуальная личность*. С прогрессивным развитием ИКТ, в частности Интернета, возникает новый субъект правоотношений — виртуальная личность, а с ним и ряд нерешаемых задач и проблем. Одной из которых является сложность привлечения к юридической ответственности за различного рода незаконные действия, осуществляемые в Интернете.

Функционируя в чате, субъект пользуется правом совершать практически любые действия. При этом он может назвать себя кем угодно, сформировать свой личный образ, трансформировать внешний вид и т.д. То есть придать себе большую долю условности, что характеризует его в качестве фиктивного субъекта.

Виртуальные банки. Одной из конкретно нерешаемых проблем в финансовой сфере сегодня является проблема расчетных отношений

¹⁵ Зульфугарзаде Т. Э., Танимов О. В. Модели регулирования информационных отношений в США // Информационное право. 2016. № 1. С. 28.

¹⁶ Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 209.

в Сети, способствующих появлению новых видов субъектов. Фактически совершение компенсированных (возмездных) договоров в Сети интеркуррирует юридические договоренности относительно сделанных расчетов. Это происходит путем повышения количества безналичных платежей, а также включения в данные отношения новообразованных виртуальной средой субъектов, так называемых виртуальных банков.

Пожалуй, основной проблемой в механизме правового регулирования виртуально-сетевых отношений является тот факт, что такая сложная информационная структура, как Интернет, представляет собой уникальную инфраструктуру, включающую в себя совокупность информационных и телекоммуникационных систем, технологий и технических решений, находящихся во владении многих субъектов. Эти субъекты (сотни миллионов физических и юридических лиц!) владеют отличающейся друг от друга правосубъектностью, и вся совокупность их действий в сети Интернет регулируется законодательством разных государств. И если возникает реальный спор в процессе, например, финансово-расчетных отношений, то в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства принимается во внимание общее правило о подсудности по месту нахождения ответчика. Указанная проблема также требует своего разрешения. В этой связи необходимо упорядочить отношения в Сети в рассматриваемой сфере.

Теория права делит всех субъектов на три группы: государство, коллективные субъекты (юридические лица) и индивидуальные субъекты (физические лица). Но в каждой отрасли права эти субъекты могут включать в себя различные разновидности, в зависимости от различных критериев. Одной из специфических особенностей информационной сферы, наиболее подверженной процессам цифровизации, является субъектный состав, включающий не только виртуальные личности, но и *государство* (которое как юридическое лицо само является фикцией).

Проведя даже поверхностный анализ некоторых нормативных правовых актов (далее — НПА), действующих в информационной сфере, таких как:

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448);
- Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126 «О связи» (СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895);
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 «О персональных данных» (СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451);
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» (СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901),

можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, упомянутые НПА содержат перечень конкретизированных, появившихся сравнительно недавно субъектов права: *провайдер хостинга, владелец сайта* в сети «Интернет», *блогер, инсайдер* и др.

Во-вторых, отрасль информационного права и законодательства развивается именно благодаря процессу цифровизации и является одним из ее элементов.

В-третьих, наличие таких субъектов делает невозможным действие обычных механизмов, функционирующих в традиционном праве и соответствующих судебным процедурам. Необходимо использовать новые регулятивные средства для решения возникающих задач.

И в заключение рассуждений о субъектах отметим, что в контакт-центре «Московский транспорт» появился *виртуальный оператор*. К нему можно обратиться с вопросами, связанными с эвакуацией автомобилей. Помощник запрашивает государственный номер машины, рассказывает, где она находится, что необходимо сделать, чтобы ее вернуть, и какие документы следует взять с собой¹⁷.

Содержание правоотношений. На фоне появления новых субъектов и объектов правоотношений в условиях цифровизации вполне

¹⁷ Робот поможет москвичам вернуть эвакуированный автомобиль // URL: <https://www.mos.ru/news/item/55822073/> (дата обращения: 05.07.2019).

естественно изменяется и их содержание. Очень много в последнее время пишут о цифровых правах, причем иногда совершенно в разных ракурсах. Бесспорно, процесс изменения содержания правоотношений требует совершенствования механизма правового регулирования в ходе осуществления уже имеющихся и образующихся благодаря цифровизации прав и обязанностей субъектов.

«Процесс цифровизации правового регулирования способствует формированию группы прав, которыми обладает человек как субъект частных и публичных правоотношений», — отмечает А. Карцхия¹⁸. В состав таких прав, по мнению автора, входят личные права (право доступа в Интернет, право на информацию, право на забвение, право на неприкосновенность личной жизни в Интернете и др.), которые не имеют имущественного содержания (экономической ценности), но связаны непосредственно с личностью гражданина. Эти права можно охарактеризовать как «цифровые личные неимущественные права»¹⁹.

Большинство авторов, касаясь темы цифровых правоотношений, совершенно забывают, что их содержание включает не только права, но и обязанности, обусловленные исполнением и соблюдением права. Напомню, что за неисполнение и несоблюдение правовых норм субъекты претерпевают определенные лишения, нередко связанные с ограничением свободы.

Например, по словам прокурора организационно-аналитического отдела Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ В. Егорова, за прошедшие два года российские суды вынесли 1 234 обвинительных приговора из-за нарушения авторских прав. Нарушения относились к ст. 146 УК РФ («Нарушение авторских прав и смежных прав») и были

связаны с незаконным использованием аудио- и видеозаписей²⁰.

В процессе трансформации правоотношений в условиях цифровизации необходимо их наполнение качественным сбалансированным содержанием: субъективными правами и юридическими обязанностями, закрепление которых в законодательстве РФ имеет следующие характерные особенности:

- 1) дефицит нормативно-правовой базы в сфере правового регулирования информационных технологий;
- 2) отсутствие единого НПА, регламентирующего рассматриваемую сферу, правоотношения в которой регулируются нормативными актами разного уровня;
- 3) нормы, упорядочивающие правоотношения в условиях цифровизации, в большинстве своем направлены на регулирование коммуникационного взаимодействия между субъектами в сети Интернет, нередко вызывая при этом возмущение в социуме, порождающее правовой нигилизм.

Кроме того, содержание правоотношений в условиях развития информационно-коммуникационных технологий должно обеспечивать:

- реализацию и защиту прав и свобод субъектов в информационной сфере (тайну частной жизни, право на забвение и др.);
- возможность электронного обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления на всех уровнях по жизненно важным для них вопросам;
- гарантии получения всех видов государственных услуг в электронной форме;
- соблюдение баланса между потребностями субъектов в сфере оборота информации и ограничениями, связанными с обеспечением национальной безопасности страны.

¹⁸ Карцхия А. Право в условиях цифровой трансформации // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 3.

¹⁹ Карцхия А. Указ. соч.

²⁰ За два года более тысячи человек были осуждены в России за нарушения авторских прав // URL: <http://zakon-i-poryadok.com/2019/06/za-dva-goda-bolee-tysyachi-chelovek-byli-osuzhdeny-v-rossii-za-narusheniya-avtorskih-prav.html> (дата обращения: 04.07.2019).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зульфугарзаде Т. Э., Танимов О. В. Модели регулирования информационных отношений в США // Информационное право. — 2016. — № 1. — С. 26—33.
2. Карцхия А. Право в условиях цифровой трансформации // ИС. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 3.
3. Наумов В. Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. — 2018. — № 1. — С. 32—39.
4. Сабо И. Основы теории права. — М. : Прогресс, 1974. — 270 с.
5. Танимов О. В., Кудашкин Я. В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. — 2012. — № 2. — С. 17—21.
6. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике // URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D1%82%D0%BE8F-digitization> (дата обращения: 01.05.2019).
7. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
8. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5—16.
9. Ito J. In an Open-Source Society, Innovating by the Seat of Our Pants // NY Times. — Dec. 5, 2011. — URL: <http://www.nytimes.com/2011/12/06/science/joichi-ito-innovating-by-the-seat-of-our-pants.html> (дата обращения: 12.08.2019).

Материал поступил в редакцию 11 июля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zul'fugarzade T. E., Tanimov O. V. Modeli regulirovaniya informacionnyh otnoshenij v SShA // Informacionnoe pravo. — 2016. — № 1. — S. 26—33.
2. Karckhiya A. Pravo v usloviyah cifrovoj transformacii // IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 3.
3. Naumov V. B. Negativnye zakonomernosti formirovaniya ponyatijnogo apparata v sfere regulirovaniya Interneta i identifikacii // Informacionnoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 32—39.
4. Sabo I. Osnovy teorii prava. — M. : Progress, 1974. — 270 s.
5. Tanimov O. V., Kudashkin Ya. V. O pravovoj prirode i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya otnoshenij v seti Internet // Informacionnoe pravo. — 2012. — № 2. — S. 17—21.
6. Tolkovyj slovar' po informacionnomu obshchestvu i novoj ekonomike // URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D1%82%D0%BE8F-digitization> (data obrashcheniya: 01.05.2019).
7. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / gl. redakciya: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. — M. : Sov. enciklopediya, 1983. — 840 s.
8. Habrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2018. — № 9. — S. 5—16.
9. Ito J. In an Open-Source Society, Innovating by the Seat of Our Pants // NY Times. — Dec. 5, 2011. — URL: <http://www.nytimes.com/2011/12/06/science/joichi-ito-innovating-by-the-seat-of-our-pants.html> (data obrashcheniya: 12.08.2019).